

БОРИС ЧУРИН

ВРЕМЕННОЙ УЗЕЛ

Борис Чури́н
Временной узел

«Accent Graphics communications»

2013

Чурин Б.

Временной узел / Б. Чурин — «Accent Graphics communications»,
2013

Вы верите в реинкарнацию (переселение) человеческих душ? А в существование Пророков в наше время? Нет? Герой романа, со слов которого автор ведет повествование, раньше тоже в это не верил, пока судьба не свела его в купе поезда с симпатичной девушкой Ириной Урсу. Ира поведала нашему герою историю человека по имени Валерий Воронков, который родился в конце двадцатых годов прошлого века в Ленинграде. В семилетнем возрасте, когда репрессировали его родителей, мальчика определили в интернат для детей врагов народа. Позже его забрала к себе в Москву тетка, сестра матери. После войны, уже будучи двадцатилетним юношей, Валерий вновь сталкивается с репрессивным аппаратом Госбезопасности. Чтобы избежать ареста, парень уезжает в глухую деревню Тульской области. Здесь он встречает свою первую и пламенную любовь в лице молодой женщины Полины Логиновой. Однако, вскоре у Полины обнаруживается тяжелое заболевание. Врачи бессильны помочь ей, и тогда Валерий обращается за помощью к местному знахарю, колдуну и отшельнику Ефиму. При их встрече выясняется, что Ефим – бывший сотрудник НКВД, по приказу которого арестовали родителей Валерия. Но, что еще более удивительно, Ефим это – неудавшийся Пророк, который пытался изменить ход мировой истории. Встреча с бывшим Пророком удивительнейшим образом меняет жизнь Валерия. Дальнейшие события, порой кажущиеся фантастическими и неправдоподобными, переносят читателя на двадцать лет вперед, в 70-е годы прошлого века. Здесь его ожидает необычная и интригующая история жизни Ирины Урсу и ее любовного романа. «Временной узел» приковывает к себе внимание читателя с первых же своих страниц и не отпускает его до конца повествования. Книга написана в новом для нашей литературы стиле, когда фантастичность не становится фантастикой, а перерастает в нечто большее с исторической, информативной и жизненной точек зрения.

© Чурип Б., 2013
© Accent Graphics
communications, 2013

Содержание

Вместо предисловия	7
Часть 1	10
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Борис Чури́н

Временной узел

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Вместо предисловия

Счастливые мы люди! Я имею ввиду граждан бывшего СССР. Жизнь любого из нас вмещает две, а то и три жизни жителя таких стран как Швейцария, Дания или, например, Новая Зеландия. Вот живет этот несчастный швейцарец в своих тихих Альпах, рвет его рот зевота, считает он от скуки прожитые годы и ничего в его жизни не меняется. Нет, кое-что, конечно, меняется. Влюбляется он, женится, детей рождает. Но все это не интересно, а главное, обыденно и банально, потому как детей, к примеру, и кошка рождает. А вот мы, граждане бывшего Союза, ухитрились в течении своей короткой жизни, не выезжая из родного города, деревни или аула, пожить как минимум в двух странах: в СССР и в России (Казахстане, Узбекистане и т. д.). Многие из нас, не выходя из собственной квартиры, сумели побывать в разных городах. Жители города на Неве – в Ленинграде и Санкт-Петербурге, волжане – в Куйбышеве и Самаре. Но больше всех, в этом отношении, повезло бывшим целиноградцам. Они, оставаясь в своих домах, побывали еще в двух городах: Акмоле и Астане. Правда здорово?! Но это только цветочки! В течении своей жизни граждане СССР умудрились пожить при четырех(!) общественных строях. Не верите? Давайте считать. Обычный социализм – раз. Развитой социализм – два. Дикий, начальный капитализм – три и, наконец, империализм, по определению Ленина, высшая и конечная стадия развития капитализма – четыре.

А наша собственная, так сказать, личная жизнь? Какие удивительные, неожиданные повороты и кренделя выдывала она в 90-е годы! Диву даешься! Бедному новозеландцу и не снилось! Заслуженные учителя и врачи становились за торговые прилавки. Почтенные профессора, доктора наук занялись частным извозом. А в это же время бывшие ворюги и гопстопники заседали в правительствах, избирались в парламенты. Моя судьба, в этом смысле, тоже не исключение. Дослужившись к концу 80-х годов до должности ГИПа в проектно институте, за несколько последующих лет я успел побывать брокером на товарной бирже, директором коммерческой фирмы и даже руководителем танцевального коллектива. Закончил же я свою головокружительную карьеру водителем личного транспорта, осуществляющего коммерческий извоз пассажиров. Проще говоря, извозчиком.

Если кто-то думает, что я лью крокодиловы слезы по поводу случившейся со мной метаморфозы, то он жестоко ошибается. Да, не скрою, поначалу я стеснялся своей новой профессии (действительно, не солидно бывшему ГИПу таскать сумки своих пассажиров в расчете заработать лишнюю десятку), но со временем свыкся со своим новым положением. А года два тому назад я обнаружил, что и в такой, на первый взгляд примитивной профессии, как извозчик, могут оказаться свои прелести, свои источники для творческой, интеллектуальной деятельности.

Началось с того, что как-то один подвыпивший пассажир рассказал мне увлекательную историю, которая приключилась с ним во время работы над научным открытием. Вернувшись в тот день домой, я записал его рассказ. С тех пор добыча новых сюжетов превратилась для меня в страсть, увлечение или, по-иностранному, хобби.

Малообщительный по своей натуре человек, я раньше никогда первый не заводил беседу со своими клиентами и не старался поддерживать ее, если какой-нибудь словоохотливый пассажир сам начинал разговор. Теперь же я из кожи лезу вон, чтобы разговорить моего соседа и выщедить из него рассказ для моей коллекции. Сделать это, однако, весьма непросто. Прежде всего, мешает ограниченность во времени нашего общения. Средняя продолжительность одной поездки составляет двадцать-тридцать минут и увлечь разговором человека за такой короткий промежуток времени – проблема достаточно сложная. Не способствует доверительной беседе и настроение клиента. Ведь, если человек берет такси, значит он куда-то спешит, значит он чем-то озабочен и отвлечется от своих проблем, переключив внимание на раз-

говор с навязчивым водителем, этому человеку бывает нелегко. Вот почему многие из добытых мной сюжетов были рассказаны пассажирами, незадолго до этого «принявшими на грудь». Пары алкоголя с легкостью вытесняют из сознания этих людей мысли о житейских проблемах и открывают шлюзы для бурного потока слов. Тем не менее, история, которую я предлагаю вашему вниманию, дорогой читатель, была рассказана мне абсолютно трезвым человеком, моим земляком (забыл сказать, что живу я в бывшей столице Казахстана, городе Алма-Ате) летом 1996 года. Я не зря обратил ваше внимание, уважаемый читатель, на тот факт, что рассказчик во время встречи со мной не был навеселе. Ибо то, что вы прочтаете ниже, может показаться вам плодом воображения, одурманенного хмельными парами. А по-просту, враньем.

К сожалению, у меня нет аргументов, чтобы развеять ваши сомнения. Я не располагаю фактами, которые могли бы подтвердить правдивость истории, пересказанной мной со слов моего пассажира. Поэтому решение: верить или не верить тому, что вы прочтете в этой книге, я оставляю за вами, дорогой читатель.

Солнце уже клонилось к закату, когда я привез молодую парочку в дачный поселок расположенный недалеко от города. В руках юноша держал бутылку вина, из чего я сделал вывод, что молодые люди приехали на дачу, чтобы нескучно провести вечер, а возможно и ночь. Развернувшись недалеко от конечной остановки автобуса, я увидел пожилого мужчину, махавшего рукой в надежде привлечь мое внимание. Недолго думая, я направил свои Жигули в его сторону. На вид мужчине было лет шестьдесят пять. Выше среднего роста, с седой, но отнюдь не редкой шевелюрой, он производил впечатление человека, проработавшего большую часть жизни на руководящей должности. Об этом говорили его решительные движения и прямой, уверенный взгляд. Твердый голос, когда мужчина начал разговор, также подтверждал мое первое впечатление о нем.

Рядом с мужчиной горой высились сложенные друг на друга с десятков деревянных ящиков, наполненных яблоками. Дождавшись, когда мой Жигуль остановится возле него, мужчина наклонился к открытому окну и с некоторой долей фамильярности обратился ко мне:

– Я вижу, ты таксуешь?

Я в ответ кивнул головой.

– Отвези меня с этим, – мужчина подбородком указал на ящики, – на улицу Тулебаева, угол Кирова.

Я живо прикинул в уме расстояние до указанного мужчиной места.

– Двести тенге, – назвал я цену.

Мужчина округлил глаза.

– Грабеж! Отсюда на такси по счетчику сто шестьдесят выбивает!

– Так с вами еще груз! – выдвинул я свой аргумент.

– Ящики в багажник засунем, – предложил мужчина.

– Все не поместятся, – я продолжал гнуть свою линию, – придется занимать заднее сиденье. Значит, попутчиков я взять не смогу.

Мужчина задумчиво почесал подбородок.

– Черт с тобой! – махнул он рукой, – пусть будет двести. В таком случае, помоги загрузить ящики в машину.

Как я и предполагал, часть ящиков в багажник не поместилась, и их пришлось размещать на заднем сиденье. Мужчина сел рядом со мной, и мы тронулись в путь.

– Да, – вздохнул мой пассажир, – плохо без машины. Особенно плохо, когда всю жизнь на ней ездил, а потом вдруг, бац! и ее не стало.

– А что случилось с вашей машиной? – заинтересовался я, – в аварии разбилась?

– Если бы так, не обидно было. А то...

Мой собеседник с досадой махнул рукой.

– Так, что же произошло? – почуяв интригу, я заерзал на сиденье.

Мужчина снова вздохнул и повернулся ко мне всем телом.

– В ноябре девяностого года это случилось, – начал он свой рассказ, – я тогда работал замминистра хлебозаготовок. На пенсию уже собирался. Ну и решил, перед тем как уйти на заслуженный отдых, обновить транспортное средство. Я тогда на Жигулях ездил, как у тебя, четвертой модели. У нас в министерстве автомобили распределял министр, лично. Он-то мне клятвенно и пообещал: к Новому Году будет у тебя Волга – ГАЗ-24. Готовь деньги.

А я незадолго до этого сильно потратился: младшей дочери свадьбу справил и подарок к свадьбе отвалил, двухкомнатную квартиру. Поэтому денег на Волгу мне не хватало. Пришлось продавать Жигули.

Прошел месяц. Я к министру.

– Ну, как там моя Волга?

– Скоро будет, – отвечает.

Проходит еще месяц, уж Новый Год давно миновал. Я опять к министру.

– Звонил на завод, – говорит, – обещали в марте.

Но и в марте машины не было. Пришла она лишь в июне. Министр меня к себе вызывает.

– Поздравляю! – светится он улыбкой, – выкладывай деньги на бочку.

И называет сумму, от которой у меня на голове волосы дыбом встали. Представляешь, за восемь месяцев цена подскочила в два с половиной раза!

От Волги я, конечно, отказался. Поехал на автомобильную барухолку, рассчитывал купить подержанный Жигуль. Куда там! Цены выросли так, что моих денег даже на горбатый Запорожец не хватало!

Мужчина сокрушенно покачал головой.

– Вот так я и остался без колес.

– Не повезло, – в тон моему собеседнику высказался я.

– Как сказать, – ухмыльнулся мужчина, – ту Волгу второй наш зам купил. А через два месяца разбился на ней насмерть. На полной скорости рулевое управление отказало. Заводской брак.

– Фью... фью... – присвистнул я, – правду говорят, неисповедимы пути господни.

– А ты в бога веруешь? – неожиданно спросил мой пассажир.

Я неопределенно повел плечами.

– В церковь не хожу, но библейские заповеди стараюсь соблюдать.

Мужчина укоризненно покачал головой.

– Нет, я – человек глубоковерующий. Хотя до сорока лет был убежденным атеистом.

– Что же произошло? Отчего вы так резко сменили свои убеждения?

В течение нескольких минут мой пассажир сумел дважды меня заинтриговать.

– Это долгая история, – мотнул он головой.

При слове «история», уши мои стали торчком.

– Вы на каком этаже живете? – поинтересовался я.

– На втором. А почему ты меня об этом спрашиваешь?

– Я помогу вам перенести ящики в квартиру, сэкономлю для вас время. А вы за это расскажите свою историю. Идет?

– Идет! – громко рассмеялся мужчина, – слушай внимательно. История эта весьма необычная. Я бы даже сказал, неправдоподобная история. И, тем не менее, могу чем угодно поклясться: все, что ты услышишь, истинная правда.

Мужчина сделал небольшую паузу, собираясь с мыслями, прокашлялся в кулак и начал:

– Случилось это летом, в июле месяце 1970 года. Мне незадолго до этого сорок лет исполнилось. Трудился я в том же министерстве хлебозаготовок в должности заведующего отделом.

Часть 1

Голос из репродуктора сообщил об отправлении скорого поезда Алма-Ата – Москва с первого пути. Я достал из портфеля заранее купленную газету, уселся возле окна и, пробежав глазами по первой полосе, выбрал себе статью для чтения. Однако не успел я прочесть и первого абзаца, как дверь купе с шумом покатила в сторону. Я поднял голову и... замер в этой позе, словно по приказу невидимого гипнотизера. В проеме двери стояла девушка лет двадцати. Первое, что выхватил мой взгляд из очаровательного облика незнакомки, были ее глаза. Большие, карие, с необычным, как мне показалось, темно-фиолетовым отливом. Они выглядывали из-под густых ресниц с совершенно несвойственным для столь юного возраста выражением глубокой грусти и тоски. Я ощутил желание припасть губами к этим глазам, обняв их хозяйку и, глядя ее по голове, шептать нежные слова утешения.

Задержавшись пару секунд на глазах девушки, мой взгляд пополз вниз, отмечая правильность черт лица, изящную посадку головы на тонкой шее, вздернутую, крепкую грудь, тонкую талию, округлые бедра и стройные ноги.

– Тридцать шестое место в этом купе? – пропел волшебный голос, своим звучанием напоминающий переливы горного ручья в летний зной.

– Эээ... – с трудом выдавил я из себя нечленораздельный звук и указал взглядом на верхнюю полку.

– Верхняя, – разочарованно вздохнула девушка, – а ведь я просила нижнюю, когда покупала билет.

– Эээ... – протянул я руку, указывая на противоположную от себя нижнюю полку.

– Что? – удивленно вскинула брови моя попутчица.

Я с трудом сглотнул застрявшую в горле слюну.

– Вы можете занимать это место. Оно свободно.

– Вы в этом уверены? – с сомнением спросила девушка, однако шагнула вперед и закрыла за собой дверь.

– Абсолютно уверен, – бодро заявил я, – оставшиеся два места в купе принадлежат моим начальникам: министру хлебозаготовок и его заму. Мы втроем должны были ехать на совещание в Джамбул. Но перед самым выездом узнали печальную новость: сегодня утром по дороге на работу скоростно скончался наш куратор из ЦК партии. Мое начальство решило остаться в Алма-Ате. Их билеты у меня. Сдать их я не успел.

– Не думаю, что проводник упустит такую возможность поживиться, – ухмыльнулась незнакомка, – наверняка, он посадит на освободившиеся места левых пассажиров.

– Не переживайте. Все продуманно, – я гордо вскинул голову, – проводнику я скажу, что мои коллеги сидят в вагоне-ресторане. Так что, располагайтесь на нижней полке и ни о чем не волнуйтесь. По крайней мере, до завтрашнего утра вас никто не побеспокоит.

– Будем надеяться, – улыбнулась девушка и, повернувшись ко мне спиной, занялась разборкой вещей.

Я украдкой наблюдал за своей попутчицей. От упругих полушарий ее изящно очертанной попки невозможно было оторвать глаз. Когда молодая женщина переносила центр тяжести своего тела с одной ноги на другую, ее ягодицы начинали двигаться по замысловатой траектории. Вверх, вниз, влево, вправо, по дуге и даже, как мне казалось, по синусоиде. Неожиданно девушка резко повернулась ко мне всем телом. Злой взгляд ее карих глаз не сулил мне ничего хорошего. Я поспешил склонить голову к газете, однако, сделал это, видимо, недостаточно быстро, поскольку с полминуты моя попутчица продолжала сверлить меня испепеляющим взглядом. Руки ее при этом уперлись в бока, а ноги были широко расставлены в стороны.

Ее молчание было красноречивее всяких слов, и вскоре я почувствовал, как лицо мое нали-
вается краской.

Посчитав, что я понес достойное своей вины наказание, девушка вновь повернулась ко
мне спиной и продолжила прерванное занятие. В течение последующих нескольких минут я
безуспешно пытался вникнуть в смысл газетной статьи. Наконец, незнакомка закончила разбор
своих вещей и я был удостоен ее внимания.

– Вас не затруднит выйти из купе на пару минут? – обратилась она ко мне, – мне необ-
ходимо переодеться.

Я вскочил с места, больно ударившись при этом головой о верхнюю полку и, стараясь не
задеть мою спутницу, вышел в коридор.

Поезд, тем временем, покидал зону пригородных поселков Алма-Аты. Я облокотился на
поручень у окна и с вялым интересом наблюдал, как утопающие во фруктовых садах усадьбы
сменяются полями, засаженными овощными культурами, которые, в свою очередь, уступали
место бахчам, а тем на смену приходили бескрайние степные просторы, кое-где изборозжен-
ные руслами высохших рек.

Прошло около часа, когда я услышал за спиной звук открываемой двери.

– Что же вы не заходите? – удивилась моя попутчица, – я уже давно переоделась.

Я окинул девушку быстрым взглядом. Вместо легкого летнего платья теперь на ней был
одет спортивный костюм, с еще большим успехом подчеркивающий достоинства стройной
фигуры незнакомки. Низко склонив голову, я проследовал на свое место и взял в руки газету.

– Вы не уйдете из купе в ближайшие четверть часа? – поинтересовалась у меня девушка.

– Нет. Не уйду, – пожал я плечами.

– В таком случае, я оставлю свои вещи здесь. Мне надо отлучиться.

Я согласно кивнул головой в ответ. Девушка ушла, а я продолжил чтение газеты.

Прошло минут двадцать или чуть более, когда неожиданно из-за двери раздался ее воз-
мущенный голос:

– Отстаньте, наконец, от меня, иначе я позову проводника.

В следующий момент дверь распахнулась, и в купе стремглав влетела моя соседка. Она
тут же попыталась закрыть дверь, но чья-то нога ловко помешала этому, уперевшись в дверной
торец. Вслед за ногой в дверном проеме появилась рослая фигура парня лет двадцати пяти с
лицом, которое обычно притягивает женский взгляд.

– Девушка, неужели я вам совсем не нравлюсь? Вроде, не косой и не хромой, да и роста
не маленького, – сладким, но в тоже время самоуверенным голосом промурлыкал парень.

Моя соседка еще раз попыталась закрыть дверь, но сил ее для этого явно не хватало. Я
решительно поднялся с места и встал рядом с девушкой.

– В чем дело, молодой человек? – строго спросил я, – что вам нужно от моей жены?

– Жены?!

Парень смерил меня оценивающим взглядом и с ухмылкой повернулся к девушке.

– А я все не мог понять: чего ты кочевряжишься. Значит, ты стариков предпочитаешь?

– Это значит, что молодости моя жена предпочитает другие мужские достоинства, – про-
рычал я и с такой силой рванул дверь, что если бы парень вовремя не убрал ногу, кости его
оказались раздробленными.

Закрыв дверь на замок, я вернулся на свое место и взял в руки газету.

– Большое спасибо, – услышал я тихий голос моей спутницы.

– Не стоит благодарностей, – не поднимая головы, ответил я.

С минуту я безуспешно пытался вникнуть в смысл газетного текста, перечитывая по
несколько раз каждый абзац. Мои напрасные потуги прервал голос девушки.

– Вы не курите?

Я оторвался от газеты и мотнул головой.

– Тогда давайте откроем окно. Я очень хочу курить.

Мне пришлось изрядно потрудиться, прежде чем оконная рама со скрежетом поползла вниз. Девушка достала из пачки сигарету, щелкнула зажигалкой и с жадной поспешностью сделала несколько коротких затяжек.

– Можно вас кое о чем попросить? – моя попутчица смущенно потупила взор.

– Конечно, конечно, – затараторил я, – охотно выполню вашу просьбу.

Девушка не спеша сделала последнюю затяжку и затем, так же неспешно, загасила окурочек о дно стеклянной пепельницы. Я в течение этого отрезка времени пытался догадаться: о чем меня может попросить очаровательная незнакомка. Самые смелые мои предположения робко проникали в область сексуальных отношений между мужчиной и женщиной.

Тем временем, девушка раскрыла сумочку, достала оттуда десятирублевую банкноту и, глядя мне прямо в глаза, пропела своим нежным голоском:

– Будьте любезны, сходите в ресторан и купите бутылку водки.

В течение нескольких секунд я, молча, переводил взгляд с денежной купюры на лицо девушки и обратно, пытаюсь сообразить, разыгрывают меня или говорят серьезно.

– Если это вас, конечно, не очень затруднит, – добавила девушка, прервав мои размышления.

Сомнений не оставалось – меня действительно послали за бутылкой. Не говоря ни слова, я поднялся с места, откинул сиденье и достал из багажника свой портфель. Открыв замок, я ловким движением фокусника извлек из портфеля водочную бутылку.

– Вы забыли, – обратился я к своей попутчице с непринужденной улыбкой, – что вашими соседями должны были быть трое мужчин. Неужели вы полагаете, что отправляясь в дальнюю дорогу, они не позаботятся о выпивке?

Поставив бутылку на стол, я вновь склонился над портфелем.

– Тут мне жена закуску кое-какую собрала. Вот только посуды у нас с вами нет. Ну, ничего. Схожу к проводнику, возьму стаканы.

Через несколько минут на газетном листе посреди стола красовался типичный походный натюрморт. В его центре, приковывая зрительское внимание, возвышалась поллитровая бутылка водки «Столичной». Вокруг нее аккуратными рядами расположились ломтики вареной колбасы «Докторская» и сыра «Голландского». Далее красно-зелеными островками были разбросаны куски помидоров и разрезанных пополам огурцов. Их окружали половинки вареных яиц и картофельные круги. По краям газетного листа встали наизготовку два граненых стограммовых стакана.

Я сдернул ножом крышку с бутылки и наполнил стаканы наполовину.

– Ну, за знакомство? – предложил я тост и поднял свой стакан, – вас как зовут?

– Ирина. Можно коротко, Ира, – тихо ответила девушка.

– А я – Андрей Ильич. Можно коротко – Андрей. Тем более, что я уже назвался вашим мужем.

Мы аккуратно сдвинули стаканы, и в следующий момент моя соседка вновь поразила меня. Она лихо, по-мужски, выплеснула содержимое стакана в рот, сделала глубокий выдох, затем взяла кусок колбасы, поднесла к носу и с шумом вдохнула воздух. Не откусив ни кусочка, она положила колбасу на прежнее место.

Я проделал ту же операцию, однако, в отличие от Иры, отправил кусок колбасы в рот.

– Насчет мужа, это вы здорово придумали, – улыбнулась девушка, – иначе этот нахал не отстал бы от меня.

– По правде сказать, – начал я осторожно, – я был немного удивлен. Конечно, вы с вашей внешностью мужским вниманием не обделены. Но все равно, парень то – красавец, под стать Алену Делону. Неужели он вам не понравился?

Во время моей речи девушка сидела молча, обхватив обеими руками граненный стакан и устремив в его дно немигающий взгляд. Когда я закончил говорить, она подняла глаза и, как в первый момент нашей встречи, меня поразил ее взгляд, полный отчаянной тоски и грусти. Я вспомнил, как пару лет назад умерла наша соседка, одинокая старушка. Родственников в Алма-Ате у нее не было и попрощаться с усопшей пришли лишь несколько седеньких бабулек. Когда я зашел в комнату, где на столе был установлен гроб, то почувствовал на себе чей-то взгляд. Я повернул голову и увидел на полу возле дивана Пульку. Года за три или четыре до своей смерти наша соседка подобрала на улице больную, истощавшую дворняжку, выходила ее и назвала Пулькой. Взгляд Пульки, лежащей возле гроба хозяйки, я и вспомнил сейчас, глядя в глаза Ирины.

– Андрей, налей еще водки.

Так и не ответив на мой вопрос, попросила девушка, неожиданно перейдя на «ты». Я вновь наполнил стаканы на половину их объема. Не дожидаясь тоста, Ира выпила водку, как и в первый раз, залпом, и не закусывая. Поставив пустой стакан на стол, она достала сигарету и закурила. Я выпил свою водку и засунул в рот половинку вареного яйца.

– Ты спрашиваешь, понравился ли мне тот парень? – между затяжками повторила Ира мой вопрос, – хорошо, отвечу. Нет, не понравился. Мне, вообще, мужчины в сексуальном плане не нравятся.

Яичный желток встал у меня поперек горла, и я был вынужден схватить со стола кусок помидора, чтобы с его помощью пропихнуть желток внутрь организма.

– Мне противны их похотливые взгляды, – продолжала, тем временем, девушка, – кожа моя покрывается гусиной сыпью от их прикосновения, а от одной лишь мысли о близости с кем-нибудь из них меня с души воротит.

Ирина замолчала, отвернувшись к окну. Я закончил жевать и сидел неподвижно, стараясь не смотреть в сторону своей соседки. В купе повисла напряженная тишина. Каждой клеткой своего тела я ощущал неловкость создавшегося положения. Пауза затягивалась. Молчание становилось все более тягостным.

– Да... – наконец, выдал я из себя, – понимаю... Такое иногда случается...

– Понимаешь?! – вдруг выкрикнула Ира, повернув ко мне искаженное злостью лицо, – ни черта ты не понимаешь! Такое невозможно понять, пока не пройдешь через все это!

Я обратил внимание, как нервно подрагивает кончик сигареты в руке девушки.

– С тобой случилось... – я запнулся, подыскивая нужное слово, – какая-то неприятность?

– «Неприятность»? – с кривой ухмылкой отозвалась Ирина, – да. Случилась неприятность.

Она щелчком отправила окурочек в окно и в очередной раз огорошила меня, кивнув головой на водочную бутылку.

– Налей, Андрей, по полному стакану.

Я тут же исполнил просьбу девушки. Опорожнив стакан, Ира уставилась на меня долгим, слегка замутненным хмельным зельем взглядом.

– Ты отличный мужик, Андрюша. Я чувствую, у тебя добрая душа, – девушка схватила мою руку и стиснула ее в своих ладонях, – я расскажу тебе историю одного человека, которого знаю очень хорошо. Знаю, как саму себя.

Ира глубоко вздохнула, словно собиралась прыгать в холодную воду, и неспешно начала свой рассказ.

* * *

Лера родился в Ленинграде в канун новогоднего праздника, тридцать первого декабря 1928 года. В свидетельстве о рождении было записано его полное имя: Валерий Николаевич

Лопухин. Отец мальчика, Николай Иванович, как позже узнал Лера, происходил из древнего дворянского рода. Будучи человеком далеким от политики, он безоговорочно признал власть большевиков в 1917 году и служил ей так же честно и преданно, как до этого служил Временному правительству, а еще раньше царю-батюшке. Во внешности отца Лере больше всего запомнились пышные, черные усы. Когда Лера был совсем маленьким, он играл с ними, как с игрушкой. Чуть повзрослев, мальчик уже не позволял себе касаться отцовских усов. Зато теперь ему нравилось наблюдать за ними. Когда к Лопухиным приходили гости, а приходили они довольно часто, Лера забирался в какое-нибудь укромное место и оттуда часами мог безотрывно следить за движением отцовских усов. Мальчику казалось, что усы жили своей, отдельной, независимой от остальной части лица жизнью. То они разбегались в стороны, когда отец улыбался, то сжимались в густой, колючий комочек (это когда отец в задумчивости сводил губы в трубку), то, подобно дворовым девчонкам на скакалке, прыгали вверх-вниз в то время, когда отец разговаривал.

Еще Лере запомнилось, что отец был большой и очень сильный. Иногда, по просьбе гостей, они с отцом демонстрировали цирковой номер. Лопухин-старший клал на сиденье стула ладонь с растопыренными пальцами, Лера садился на нее (его маленькая попка легко умещалась на широкой отцовской ладони), и отец на вытянутой руке поднимал сына к потолку.

Когда Лера вспоминал свою мать, в памяти, прежде всего, возникали ее глаза и руки. Наверное, это происходило от того, что и те, и другие были добрые и ласковые. Каждый вечер перед сном мама приходила к Лере в комнату, садилась на край кровати и тихим голосом рассказывала какую-нибудь сказку или историю. Сказок и историй она знала огромное количество, и каждый раз, ложась в постель, Лера мучился вопросом: какую из них попросить маму рассказать в этот вечер.

Во время рассказа мама осторожно поглаживала Леру по спине, и от прикосновения ее руки мальчик чувствовал, как постепенно мышцы его тела расслабляются, веки тяжелеют, а сознание обволакивается вязкой, густой пеленой.

Жили Лопухины втроем в большой трехкомнатной квартире в четырехэтажном кирпичном доме. Названия улицы, где располагался дом, Лера не помнил, но, видимо, жили они в центре Ленинграда, поскольку недалеко находились Исаакиевский собор и Зимний Дворец.

Отец Леры работал директором крупного промышленного предприятия (какого именно мальчик не знал). Каждое утро под окнами их дома раздавался автомобильный гудок, означавший, что за папой приехала служебная машина. Отец целовал маму в щеку, ерошил Лере волосы на затылке, подхватывал портфель и выходил из дома. Возвращался он поздно вечером, часто, когда Лера уже спал.

Лерина мама преподавала на курсах словесность. Работала она по два-три часа в день, неполную неделю.

Днем к ним приходила Агрипина, еще не старая, но абсолютно седая женщина. Агрипина убирала квартиру, готовила еду и ходила в магазины за продуктами. Когда мамы не было дома, Агрипина, отправляясь в магазин, брала с собой Леру. Мальчику эти походы не нравились. Не потому, что он не любил ходить пешком или простаивать в очередях. Нет. Не нравилось ему бывать на людях с Агрипиной. Лера полагал, что все считали Агрипину его матерью и мальчику это было обидно. Лерина мама была красивой, а Агрипино лицо бог создавал, явно находясь в скверном расположении духа. Мама Агрипину жалела и говорила, что она очень несчастна.

Два раза на Лериной памяти они всей семьей ездили в Крым. Последнюю из этих поездок Лера запомнил очень хорошо, поскольку, во-первых, ему тогда уже исполнилось семь лет, а, во-вторых, состоялась она в августе, незадолго до папиного ареста.

День второго сентября 1935 года Лера запомнил на всю оставшуюся жизнь. Накануне утром, в новенькой школьной форме, с новеньким, пахнущим кожей портфелем, он рядом с мамой весело шагал в первый раз в школу. Вечером папа вернулся с работы необычно рано

и с огромным торгом в руках. Все сели за стол, пили чай, и отец долго расспрашивал Леру о его первом учебном дне.

Утром второго сентября Лера проснулся, когда в его комнату уже проникли лучи солнца, выглянувшего из-за крыши соседнего дома. Мальчик взглянул на часы и ужаснулся. Стрелки показывали без десяти минут восемь. До начала уроков оставалось всего десять минут.

– Почему мама меня не разбудила? – недоумевал мальчик, – неужели она забыла, что мне надо идти в школу?

От обиды в горле запершило. Соскочив с кровати, Лера бросился из комнаты. Сильным ударом обеих рук он распахнул дверь, выскочил в зал и... в следующий момент резко затормозил, словно наткнулся на невидимую преграду. Представшая взору картина настолько поразила Леру, что у него перехватило дыхание, как от сильного удара под дых. В зале царил такой беспорядок, будто там неделю играли в «казаки-разбойники» все мальчишки их двора. Двери шкафов были распахнуты, книги, хранившиеся там, как попало разбросаны на полу. Среди них виднелись осколки блюдца из маминого любимого сервиза. На столе, в центре комнаты горою были свалены отцовские бумаги. Кипы старых газет и журналов громоздились на диване. Вся мебель оказалась сдвинутой от стен к центру комнаты.

Но разбросанные вещи и разбитая посуда лишь ненадолго привлекли внимание мальчика. Неизмеримо большее впечатление произвел на него вид матери. Мама сидела на стуле, облокотившись о край стола и подперев голову рукой. Нечесанные волосы неряшливыми прядями спадали на плечи. Чулок на левой ноге сполз ниже колена, а второй чулок мама зажала в кулаке, устремив на него неподвижный взгляд.

Когда Лера с шумом ворвался в комнату, мама медленно повернула голову и посмотрела на него тем же пустым, отрешенным взглядом, которым до этого рассматривала чулок.

– Кто это сделал, мама? – тихо спросил Лера.

Несколько секунд мать молча смотрела на сына.

– Подойди ко мне, Валерий, – донесся до Лериного слуха чуть слышный голос.

Мальчик вздрогнул и невольно поежился. Мама называла его полным именем лишь когда выговаривала ему за провинность, и теперь оно прозвучало как предвестие беды. Беды, которая, как почувствовал Лера, будет страшнее и безжалостнее любого, самого строгого наказания.

Лера нерешительно приблизился к матери. Мама положила руки сыну на плечи и некоторое время, молча, глядела ему в глаза.

– Валерий, – заговорила она все тем же тихим голосом, – нашего папу арестовали. Но... – мамин голос дрогнул, – но это ошибка. Нелепая ошибка. Я уверена, что там во всем разберутся и его скоро отпустят. Он ни в чем не виноват. Слышишь? Ни в чем не виноват. Наш папа честный человек.

Лера нисколько не сомневался в том, что его папа честный человек. Не сомневался он и в том, что «там» во всем разберутся и отпустят папу. Единственное, в чем не был уверен мальчик, что это произойдет скоро. Вон, у Костика Скворцова из соседнего подъезда папу арестовали еще весной и до сих пор не отпустили.

При мысли о Костике Лера почувствовал, как по спине его пробежал холодок. Он вспомнил, как на прошлой неделе во дворе, когда ребята делились на две команды для игры в футбол, Колька Зарубин вышел из строя и ткнул в Костика пальцем:

– Я с ним в одной команде играть не буду. Он – сын врага народа.

Все повернули головы в сторону Костика Скворцова. У Костика мелко затряслась нижняя челюсть, а на глазах навернулись слезы. Он выскочил из строя и опрометью побежал домой. Колька вложил в рот два пальца и пронзительно свистнул Костику вслед. Все засмеялись, и Лера был в их числе.

– Наверное, со мной теперь тоже не будут играть, – подумал Лера, и у него, как тогда у Костика, на глаза навернулись слезы. Он прижался всем телом к маме, уткнулся лицом ей в шею и тихонько всхлипнул.

Вскоре пришла Агрипина. Они с мамой долго беседовали на кухне. Потом мама ушла на работу, а Агрипина принялась за уборку квартиры. Вечером, когда вернулась мама, Агрипина подошла к Лере, обняла его и поцеловала в макушку. Смахнув с глаз набежавшую слезу, женщина поспешила к выходу. С того дня Лера больше не видел Агрипину.

Теперь у него появился собственный ключ от квартиры, висевший на бечевке, на груди мальчика. Этим ключом Лера открывал дверь, приходя из школы, сам разогревал на плите обед, кушал и сам мыл за собой посуду. Вообще, теперь ему многое приходилось делать самому: ходить в магазин, убирать в квартире и даже мыть свою обувь. С прежней работы маму уволили, и она устроилась работать делопроизводителем в небольшую контору где-то за городом. Уходила на работу мама рано, а возвращалась поздно. Поэтому почти весь день Лера был предоставлен самому себе. Во двор без надобности он старался не выходить. Зато подружился с Костиком, и мальчики все свободное от школы время проводили вместе, то в квартире Лопухиных, то у Скворцовых.

Постепенно острота разлуки с отцом, угнетавшая Леру в первые дни после папиного ареста, стала притупляться. Все реже в разговорах с мамой мальчик вспоминал об отце и все реже приставал к ней с вопросом: когда «там» разберутся? Прошло почти четыре месяца со дня ареста Николая Ивановича. Приближались новогодние праздники. В фойе школы установили елку. Елочные украшения делали сами ученики. Лериному классу было поручено раскрашивать звезды, которые вырезали из бумаги ученики второго класса. В субботу на последнем уроке их разбили на группы по пять человек и на каждую группу выдали одну кисть и банку краски. Каждый ученик должен был покрасить одну звезду. Лера с нетерпением ожидал своей очереди, когда краем глаза заметил как дверь в классную комнату приоткрылась, и в образовавшуюся щель просунулась голова секретарши директора школы. Секретарша знаками подзвала к себе учительницу. Женщины о чем-то пошептались, после чего учительница направилась к столу, за которым сидел Лера.

– Лопухин, – строго обратилась к Лере учительница, – тебя вызывают к директору. Собери свои вещи и ступай вместе с Людмилой Григорьевной.

Никого из ребят Лериного класса к директору школы еще не вызывали. Поэтому, пока Лера собирал портфель и стягивал с вешалки свою шубейку, одноклассники в почтительном молчании отслеживали каждое его движение. Почувствовав на себе всеобщее внимание, Лера лихо нахлобучил шапку на затылок, перекинул портфель через плечо и, с плохо скрываемой гордой улыбкой, направился к выходу. Однако, когда мальчик оказался в темном школьном коридоре рядом с малознакомой секретаршей, настроение его быстро испортилось. В кабинет директора он входил медленным шагом, насупя брови и оттопыря нижнюю губу. Секретарша слегка подтолкнула Леру в спину и закрыла за ним дверь. Мальчик сделал шаг вперед и остановился, озираясь по сторонам.

Директорский кабинет оказался просторным и светлым. Вдоль стен, словно стража, выстроились ряды стульев. Они охраняли огромных размеров дубовый стол, покоившийся на толстых, кривых ножках у дальней стены комнаты. Над столом возвышалась массивная фигура школьного руководителя, мужчины лет пятидесяти с мясистыми щеками и маленькими серыми глазками. С правого торца стола сидела завуч Виолетта Сергеевна, а с левого – незнакомая молодая женщина в форменной шинели.

Сидящие за столом о чем-то оживленно беседовали. Однако с появлением Леры разговор прервался, и все повернули головы в его сторону. На несколько секунд в комнате воцарилось молчание.

– Подойди ближе, Лопухин, – первым заговорил директор школы.

Лера сделал несколько робких шагов вперед.

– Еще ближе, – не то попросил, не то приказал директор, – не бойся, мы тебя не укусим.

Лера засеменил вперед и остановился в двух метрах от стола.

– Вот что... Лопухин, – растягивая слова, промышчал директор, – твоя мать... она оказалась...

– Погодите, Степан Петрович, – перебила директора завуч, – зачем вы так? Валерий, – Виолетта Сергеевна наклонилась к Лере, – ты, вероятно, слышал по радио или от взрослых, что наши партия и правительство поставили задачу скорейшего освоения Севера?

Лера в ответ кивнул головой.

– Сейчас за полярный круг, – продолжала завуч, – посылаются большое количество исследовательских экспедиций. В одну из таких экспедиций была прикомандирована твоя мама. Теплоход отправляется из Мурманска через два дня. У мамы совсем не было времени на сборы. Она даже не успела попрощаться с тобой. Но она попросила Клавдию Михайловну, – завуч указала рукой на женщину в форменной шинели, – позаботиться о тебе. Клавдия Михайловна отвезет тебя в интернат. Ты поживешь там, пока твоя мама находится в командировке. Ты все понял?

Лера, молча, переводил растерянный взгляд с завуча на женщину в шинели и обратно.

– Ты все понял? – повторила вопрос Виолетта Сергеевна.

– Можно я у себя дома останусь? – чуть слышно проговорил Лера, – я все сам могу делать. Я даже картошку чистить умею.

Виолетта Сергеевна судорожно перевела дыхание.

– Нет, Валерий. Ты еще слишком мал для самостоятельной жизни. В интернате тебе будет лучше. Там много детей. Ты будешь сыт и...

– Я не хочу в приют! – отчаянный крик прервал речь завуча, – не хочу! Я к маме хочу!

Из глаз мальчика брызнули слезы, и не в силах больше сдерживаться он разрыдался в голос. Его никто не успокаивал. Сидящие за столом низко склонили головы, стараясь не смотреть друг на друга.

Постепенно плач начал стихать. Лере стало стыдно за свою минутную слабость. Он вспомнил слова отца, который не раз повторял ему, что плач на людях – тягчайший позор для мужчины. Мальчик поставил портфель на пол и двумя руками принялся вытирать лицо изнаночной стороной шапки.

Женщина в форменной шинели, которую завуч представила как Клавдию Михайловну, медленно поднялась с места и подошла к Лере.

– Вот и хорошо. Вот и ладно, – она положила руку на плечо мальчика, – ты не переживай. Мама твоя обязательно вернется.

– А папа? – вскинул голову Лера, – папа тоже вернется?

– И папа вернется, – улыбнулась Клавдия Михайловна уголками рта. Она наклонилась и подхватила с пола Лерин портфель.

– Ну, что? Пойдем?

– Пойдем, – тяжело вздохнул мальчик.

Они сели в трамвай и заняли скамью в самом конце вагона. Клавдия Михайловна открыла сумку и извлекла на свет завернутый в газетную бумагу бутерброд с вареной колбасой. Она разломала его на две равные части и одну половину отдала Лере.

– Небось, проголодался, – ласково произнесла она, глядя, с какой жадностью мальчик впивается зубами в колбасный кусок.

Покончив с едой, Клавдия Михайловна вновь полезла в свою сумку и достала оттуда блокнот в кожаном переплете и карандаш.

– У тебя бабушки, дедушки есть? – наклонилась она к самому Лериному уху.

Мальчик растерянно заморгал глазами. Родители отца, Лера знал это точно, умерли один за другим вскоре после революции и были похоронены в семейном склепе на Волковом кладбище. А вот с родителями мамы дело обстояло сложнее. С раннего детства Лере внушали мысль, что они мертвы. Но примерно год назад, когда у них гостила мамина младшая сестра тетя Зоя, Лера случайно подслушал разговор двух сестер. Из этого разговора выяснилось, что мамин отец и мать пребывают в полном здравии и живут где-то во Франции. Спустя несколько дней Лера попытался прояснить этот вопрос у матери, однако тут же пожалел об этом. У мамы сделались страшные глаза, руки задрожали и она, срывающимся от волнения голосом, стала кричать, что ее родители умерли от тифа в девятнадцатом году и похоронены под Новочеркасском. Тогда Лера сделал для себя вывод, что обманывают не только дети.

– Так есть у тебя бабушки или дедушки? – повторила свой вопрос Клавдия Михайловна.

– Нет, – решительно мотнул головой Лера.

– А дяди или тети? – продолжала спрашивать женщина.

– Есть! – обрадовался Лера, – тетя Зоя, мамина сестра.

– Она в Ленинграде живет?

– Нет, в Москве.

– Адрес знаешь?

Лера виновато пожал плечами.

– Ну, а фамилию ее ты хотя бы помнишь?

– Воронкова! – выкрикнул Лера, – у нее та же фамилия, что у мамы до женитьбы была.

– До замужества, – поправила мальчика Клавдия Михайловна. Она открыла блокнот и сделала там жирную запись: Воронкова Зоя Владиславовна. Москва.

– Попробую разыскать. Пусть знает где тебя искать, – и, перейдя на шепот, добавила строго, – о нашем разговоре никому ни слова.

Они доехали до конечной остановки трамвайного маршрута и потом еще долго шли пешком. К концу пути Лера устал и уже собирался попросить Клавдию Михайловну об отдыхе, но та уже подняла руку и указала на двухэтажное здание за высоким деревянным забором.

– Вот и прибыли.

Когда подошли ближе, Лера заметил над забором натянутую в три ряда колючую проволоку. Такая же проволока покрывала массивные двустворчатые ворота и калитку, за которой размещалось ветхое строение, оказавшееся проходной. Там их встретил седенький старичок, облаченный в тулуп и валенки.

– Добрый день, Клавдия Михайловна, – прошамкал он беззубым ртом, – никак, новенького привели?

– Привела, – вздохнула Лерина провожатая. Оставив позади себя проходную, они вошли в здание и поднялись по широкой лестнице на второй этаж. Тут им пришлось посторониться. Прямо на них шагал отряд мальчиков, Лериных ровесников, выстроенных в три шеренги. Следом за ребятами семенил небольшого роста коротконогий мужчина в форме НКВД. Идущий в первом ряду отряда кучерявый мальчишка слегка склонил голову к своему соседу и, указывая подбородком на Леру, что-то прошептал тому в ухо.

– Разговоры в строю! – рявкнул неожиданно низким, громоподобным голосом коротконогий, – Левашов, ты что, давно полы в сортире не мыл?

Отряд промаршировал мимо, и Клавдия Михайловна, взяв Леру за руку, подвела к двери с табличкой «приемная». За дверью оказалась небольшая комната, в углу которой за столом сидела молодая девушка. Она подняла голову, и на ее веснушчатом лице расплылась приветливая улыбка.

– Клава! – всплеснула она руками, – долго жить будешь! Филипп Егорыч только что тебя вспоминал. Говорит: что-то Клавдия давно не приходила. Неужто, всех врагов народа уже повыловили.

Лера заметил, как Клавдия Михайловна сердито сдвинула брови и приложила указательный палец к губам. Девушка в ответ недоуменно пожала плечами.

– Так, значит, Филипп Егорович у себя? – кивнула Клавдия Михайловна на дверь с табличкой «директор».

– У себя. Заходи, – живо откликнулась секретарша. Клавдия Михайловна повернулась к Лере и указала на один из стульев, в ряд стоящих у стены.

– Подожди меня здесь.

Ждать пришлось около четверти часа. За это время Лера досконально изучил рисунок на старом, вышарканном ковре на полу приемной, расположение жирных пятен на противоположной стене и уже перевел взгляд на потолок, чтобы разобраться в хитросплетениях трещин на штукатурке, когда дверь в кабинет приоткрылась, и оттуда показалась голова Клавдии Михайловны.

– Иди сюда, – поманила она мальчика рукой. Лера с опаской переступил порог кабинета. Второй раз за этот день ему приходилось встречаться с руководителем учебного заведения. Первая встреча доставила ему большое разочарование, поэтому от второй он также не ждал ничего хорошего.

Хозяином кабинета оказался сухопарый мужчина выше среднего роста, возрастом не более сорока лет. Удачно подогнанная форма сотрудника НКВД была ему очень к лицу. Директор смерил Леру внимательным взглядом и неожиданно широко улыбнулся.

– Стало быть, ты и есть Валерий Николаевич Лопухин?

Лера смущенно кивнул головой. По имени и отчеству его никто прежде не называл.

– А ведь я знавал твоего деда, Ивана Поликарповича, – продолжал улыбаться директор, – за руку, конечно, не здоровался, не по чину было, а вот издали много раз видел. Он инженером на механическом заводе работал, а я там же в подмастерьях числился. Строгий был твой дед. Строгий, но справедливый.

Директор сделал паузу, и лицо его стало серьезным.

– Ну, вот, Валерий, – медленно заговорил он вновь, – обстоятельства так сложились, что некоторое время тебе придется пожить у нас. Как долго? Это ни от меня, ни от тебя не зависит. Не скрою, порядки у нас строгие, и нарушать их я тебе не советую. Все воспитатели в интернате – сотрудники наркомата внутренних дел, и они привыкли, чтобы их распоряжения выполнялись четко и беспрекословно. Зато учителя у нас – высший класс. Поэтому проблем с получением знаний у тебя не будет. Если, конечно, сам не будешь лениться. Ребята в твоём отряде, в основном, хорошие. Надеюсь, ты с ними подружишься.

Лицо директора вновь осветилось улыбкой.

– Это, пожалуй, и все, что я хотел тебе сказать. Об остальном ты узнаешь от воспитателя. Желаю успехов.

Он шагнул к Лере и как взрослому пожал руку.

Из кабинета директора Клавдия Михайловна повела Леру во двор. Там, под руководством уже знакомого Лере коротконогого воспитателя, ребята расчищали от снега дорожки.

– Как зовут? – рявкнул басом коротконогий, когда Клавдия Михайловна подвела к нему мальчика.

– Валерий Лопухин, – чуть слышно ответил Лера.

– Молодец, Лопухин, что полным именем представляешься, – похвалил воспитатель, – а то помнишь, Клав, – обратился он к Клавдии Михайловне, – ты в прошлый раз мне Скобелева привела. Так тот Митей назвался.

В следующую секунду смех, подобный раскату грома, вырвался из груди воспитателя. Лера вздрогнул и прижался плечом к Клавдии Михайловне, по-прежнему державшей его за руку.

Закончив смеяться, коротконогий указал рукой на стоявший в углу двора деревянный сарай.

– А теперь, Лопухин, ступай на склад, возьми лопату и расчисти вон ту дорожку, что ведет к дальнему подъезду. Понял задание?

Лера в ответ кивнул головой, однако, сам еще плотнее прижался к Клавдии Михайловне. Движение это было невольное, подсознательное и, тем не менее, выдавшее затаенную где-то в глубине сознания мальчика надежду, что эта женщина не оставит его здесь одного. Надежду на то, что все, случившееся с ним сегодня, было розыгрышем, чьей-то глупой, нелепой шуткой. И сейчас эта добрая, в чем Лера ни на секунду не сомневался, женщина отведет его домой к маме. И они с мамой долго будут смеяться над устроенным над ними розыгрышем. Потом они сядут за стол, и мама достанет из буфета шоколадные конфеты. Они будут пить чай и рассказывать друг другу о событиях минувшего дня.

Неожиданно Лера почувствовал, как рука Клавдии Михайловны, сжимавшая до этого его руку, слабеет и медленно, но неуклонно пытается освободиться из Лериных пальцев. Мальчик задрал голову и с удивлением посмотрел в глаза своей провожатой. Клавдия Михайловна быстро отвернула лицо в сторону.

– Лопухин, ты что, не слышал моего распоряжения? – грозно пробасил воспитатель. Лера опять вздрогнул, отпустил руку Клавдии Михайловны и, понуря голову, побрел к сараю.

– Портфель оставь у меня, – раздался за спиной голос коротконогого.

Лера вернулся и поставил портфель на снег у ног воспитателя.

К сараю он шел под любопытными взглядами воспитанников интерната. Отряд рассредоточился по всей территории двора, и каждый мальчик имел свой участок работы. Перед тем, как зайти в сарай, Лера оглянулся через плечо в надежде встретиться взглядом с Клавдией Михайловной. Но во дворе интерната ее уже не было. С тяжелым вздохом переступил Лера порог склада. На полу у дальней стены он увидел несколько деревянных лопат. Лера взял верхнюю из них. Лопата оказалась довольно тяжелой, а когда мальчик поставил ее на землю рядом с собой, то конец черенка возвышался на полметра над его головой. Ловко закинув лопату на плечо, Лера уверенно зашагал через двор к указанному ему месту работы. Но когда он вышел на дорожку, которую предстояло расчищать, уверенности у него поубавилось. Дорожка шла вдоль забора, и снега здесь намело значительно больше, чем на открытом пространстве.

Воткнув лопату в снег на всю ее глубину, Лера с трудом смог приподнять ее на несколько сантиметров над землей. Он уже собирался отбросить снег в сторону, как черенок лопаты неожиданно провернулся в его ладонях, и снег высыпался на прежнее место. Лера снял вязаные рукавицы и засунул их в карман шубы. Работать стало удобнее, тем не менее пару раз черенок все же провернулся у мальчика в руках.

– Новенький, а новенький, – услышал вдруг Лера за спиной чей-то голос. Он обернулся и увидел кучерявого мальчишку, которого уже видел в коридоре интерната и которого воспитатель назвал Левашевым.

– Ты шибко не старайся, а то мозоли натрешь, – продолжал мальчишка, крутя при этом головой из стороны в сторону.

Лера оглядел двор и к своему удивлению не обнаружил там коротконогого воспитателя.

– Саньч в столовку ушел, – прояснил ситуацию Левашев, – через пять минут обед.

Он хитро подмигнул Лере и, не спеша, побрел к своему месту работы. Лера воткнул лопату в снег и принялся разглядывать свои ладони. Кожа во многих местах покраснела и некрасиво сморщилась. На левой ладони, у основания указательного пальца появился белый волдырь.

– Лопаты в склад! – неожиданно прогремел на весь двор голос воспитателя. Лера подхватил лопату и побежал к сараю. Положив лопату на прежнее место, он вернулся во двор.

– Стройся! – прозвучала новая команда.

Лера беспомощно заметался из стороны в сторону.

– Лопухин, – пророкотал бас коротконового, – становись во второе отделение, за Пятаковым.

Рыжеволосый мальчишка с веснушчатым лицом из средней шеренги ткнул большим пальцем себе за спину.

По пути в столовую их завели сначала в класс, где ребята сняли верхнюю одежду, а затем в туалет – оправиться и помыть руки. Обедать в столовых Лере доводилось и раньше. В крымском санатории мальчику запомнились белые скатерти на столах, улыбочивые официантки и ароматные запахи, доносящиеся из кухни. Столовая интерната Леру сильно разочаровала. Располагалась она в мрачном подвальном помещении. Все здесь было выкрашено в грязно-серый цвет: стены, потолок и бетонный пол. Длинные столы были сколочены из широких досок и покрывались скатертью, как впоследствии узнал Лера, только по праздникам. Но больше всего мальчика поразили запахи, стоявшие в помещении. Лера никак не мог вспомнить, что напоминал ему этот запах, но с уверенностью мог сказать, что это не был запах пищи, приготовленной для детей.

Лерин отряд занимал два стола в дальнем углу столовой. Вслед за рыжим Пятаковым Лера протиснулся в узкий проход между столом и скамьей и, подражая своим соседям, сел и сложил руки на коленях. Вскоре к их столу подъехала тележка, которую толкали двое ребят из старшего отряда. На тележке стояла огромная кастрюля, из которой торчала ручка черпака. Рядом с кастрюлей высились гора сложенных одна в другую металлических тарелок. Один из ребят схватил верхнюю тарелку и, как показалось Лере, лишь на миг задержал ее над кастрюлей. В этот короткий промежуток времени его напарник ловким движением зачерпнул из кастрюли бледно-серого цвета жидкость и еще более ловко выплеснул ее в подставленную тарелку. В следующую секунду тарелка очутилась на столе и стала быстро перемещаться к дальнему его краю, передаваемая из рук в руки сидящими за столом ребятами. За первой тарелкой последовала вторая, третья, четвертая... Все Лерино внимание было сосредоточено на том, чтобы взять тарелку от соседа слева и передать ее соседу справа (Пятакову), не разлив при этом ни капли супа. Содержимое тарелки его не интересовало. Когда же очередная тарелка остановилась перед ним, и он зачерпнул ложкой суп, горло его сдавил горький комок и от обиды запершило в глазах. Суп оказался с перловкой, от одного вида которой Леру всегда с души воротило. С тяжелым вздохом мальчик положил ложку на стол.

– Ты чо? – ткнул его локтем в бок Пятаков, – не будешь шамать суп?

– Я не ем перловку, – мотнул головой Лера.

– Ну так отдай мне!

Не успел Лера ответить, как Пятаков схватил его тарелку и через край стал переливать суп в свою посуду.

– Мне отвали малость. И мне... и мне...

К Пятакову потянулись тарелки сидящих рядом ребят.

На второе дали перловую кашу, сдобренную ложкой топленного масла. Лера уже собирался отодвинуть от себя тарелку, как услышал приглушенный голос.

– Слышь, новенький.

Лера поднял голову и встретился взглядом с Левашевым, сидевшим на противоположной стороне стола.

– Здесь на обед почти каждый день перловку дают. Не будешь есть, ноги протянешь.

Лера в благодарность за совет улыбнулся и осторожно зацепил кончиком ложки несколько перловых крупинок. Отведя глаза в сторону, он быстро сунул ложку в рот и, не жуя, сглотнул крупу. Вкуса перловки он не ощутил, и это вдохновило его на повтор операции. Так, беря ложкой по несколько крупинок, Лера управился с кашей.

– А говорил, что перловку не ешь, – буркнул Пятаков, с сожалением поглядывая на пустую Лерину посуду.

После обеда Лерин отряд отправился обратно во двор заканчивать начатую работу. Самого же Леру Саныч отвел в медчасть и передал с рук на руки медсестре, полной, розово-щекой женщине, которая, как оказалось, не выговаривала половину звуков русского языка. Она велела Лере раздеться и затем тщательно простучала пальцами грудь и спину мальчика, заглянула ему в рот, в уши и даже в задний проход.

– Мошешь одеуатша, – удовлетворенно кивнула головой толстуха, закончив осмотр. Позже она проводила Леру в душевую. Здесь шефство над ним взяла пожилая женщина. Худая, жилистая и чрезвычайно подвижная. Руки ее постоянно были в движении, словно крылья мельницы. Даже в течение недолгого разговора с Лерой, когда женщина поинтересовалась его именем и кто его родители, руки ее то взмывали вверх, чтобы поправить платок на голове, то опускались вниз, стряхивая с подола платья невидимые соринки, то вдруг принимались одергивать рукава явно маловатой ей кофточка.

Выдав Лере кусок хозяйственного мыла и мочалку, женщина оставила его в душевой кабине, а сама принялась за мытье пола. Лере в первый раз в жизни приходилось мыться хозяйственным мылом. Мылилось оно с трудом, было скользким, отчего не раз вырывалось из рук, и при этом источало весьма неприятный запах.

– Вот тебе полотенце и белье.

Лера обернулся и увидел в руках худой женщины выцветшие от долгого употребления трусы и майку.

– У меня белье свежее. Мне его мама только вчера поменяла, – попытался возразить Лера.

– Свое в интернате носить не положено, – женщина стремглаз со скамьи Лерины вещи и сунула в холщевый мешок, – здесь только казенное носят. Завтра еще форму получишь.

После мытья она проводила Леру в классную комнату и оставила одного, дожидаться отряда. Ждать пришлось недолго. Не успел Лера изучить и половину плакатов, развешанных по стенам, как из коридора донесся топот ног, дверь открылась, и в комнату строем, по одному стали заходить ребята. Они выстроились в три шеренги у доски и, молча, уставились на Леру. Всеобщее внимание смутило мальчика и он, робко отступив назад, прижался спиной к стене. Последним в класс вошел Саныч.

– Лопухин! – рявкнул он, – ты почему не в строю?! Живо на свое место!

Лера со всех ног кинулся к строю ребят и неподвижно застыл возле Пятакова.

– Левашев! – снова прогромыхал воспитатель, – выйди из строя!

Мальчик, который разговаривал с Лерой во дворе интерната и в столовой, сделал три шага вперед и замер в ожидании дальнейших указаний. Саныч коlobом подкатился к нему и уперся в него неподвижным взглядом. В классе повисла напряженная тишина.

– Сегодня, перед обедом, когда я ушел в столовую, ты прекратил работу! – притворно слащавым голосом начал коротышка и тут же привычно рявкнул, – это правда?

Левашев вздрогнул и опустил голову.

– Более того, – продолжал воспитатель, – ты подбил нового воспитанника нашего интерната, Лопухина, сделать то же самое. А это куда более серьезный проступок. Это смахивает на организацию саботажа воспитательного процесса. Лопухин! – не поворачивая головы, гаркнул Саныч, – выйди из строя!

У Леры засосало под ложечкой, ноги сделались ватными и согнулись в коленях. Так, на полусогнутых ногах он сделал несколько шагов и остановился возле воспитателя. Саныч медленно перевел на него взгляд.

– Левашев подбивал тебя прекратить работу?

Брови воспитателя грозно сдвинулись к переносице. Лера растерянно захлопал глазами. Три разных по силе чувства боролись в его душе, пытаясь перетянуть волю мальчика на свою сторону. Самое слабое из них подсказывало сознанию, что надо рассказать все как было, поскольку взрослым необходимо говорить только правду. Наперекор ему второе чувство требовало скрыть правду и тем самым прийти на помощь товарищу, попавшему в беду. Тем более, что товарищ этот уже дважды помог Лере добрым советом. Но сильнее первых двух, вместе взятых, было третье чувство, которое называлось коротким словом страх. Страх, который полностью завладел сознанием мальчика, сковал его волю и тело. Страх перед толстым коротышкой с громоподобным голосом, страх перед враждебной, непонятной средой, окружавшей мальчика: забором с колючей проволокой, мрачными серыми стенами и десятками равнодушных пар глаз воспитанников детского учреждения. Страх этот без труда победил остальные чувства, и Лера тихо прошептал:

– Да. Подбивал.

– Не слышу! – рыкнул Саныч, – говори громче!

Лера судорожно вздохнул полной грудью и почти выкрикнул.

– Подбивал.

– Тааак, – удовлетворенно улыбнулся коротышка и опустил пухлую ладошку на Лерино плечо, – молодец. Не соврал. Поэтому от карцера ты освобождаешься. Пойдешь сейчас к Пелагее Петровне, ты ее знаешь, она тебе белье выдавала, возьмешь у нее ведро, тряпку и вымоешь все лестницы в здании интерната. Ну, а ты, Левашев, – воспитатель медленно развернул свое грузное тело, – ты отправишься на двое суток в карцер. Надеюсь, это тебя кое-чему научит.

Больше четырех часов Лера драил интернатовские лестницы. Самоподготовку, которой занялись в классной комнате ребята его отряда, он пропустил. И главное, он пропустил ужин. Три раза в течение работы его навещал Саныч. Ворчал по поводу низкого качества уборки и две самые длинные лестницы заставил вымыть заново. В свой последний визит Саныч долго и тяжело вздыхал, оглядывая только что вымытую Лерой лестницу, сокрушенно качал головой и, неожиданно, дружески похлопав Леру по плечу, почти ласково произнес:

– Ладно. Заканчивай. Спать пора.

Он проводил Леру в большую, темную комнату, где в три ряда стояли металлические кровати с панцирной сеткой. Возле каждой кровати размещалась тумбочка. Ничего, кроме кроватей и тумбочек в комнате не было. Даже шкафов. На кроватях лежали мальчики и, что очень поразило Леру, все на правом боку. Саныч подвел Леру к свободной кровати в среднем ряду и прошептал ему в самое ухо:

– Верхнюю одежду положишь в тумбочку. Ботинки поставишь под кровать. Спать на правом боку.

Он подтолкнул мальчика к кровати, а сам направился к выходу. Лера быстро разделся и юркнул под тонкое байковое одеяло. Тут, вытянувшись во весь рост, он вдруг остро почувствовал, как устал за прошедший день. Болели мышцы рук и ног, ныла натруженная спина, пекло натертую ладонь. Но все эти боли были ничто в сравнении с чувством голода, которое последние два часа мучило мальчика и с каждой минутой становилось все острее и нестерпимее. Сколько себя помнил Лера, каждый вечер перед сном мама давала ему стакан молока с шоколадной конфетой. Лерин желудок привык к этому ритуалу, и сейчас он настойчиво требовал его исполнения. Лера тяжело вздохнул. Молоко с конфетой вызвали другие, более тягостные воспоминания. Лера вспомнил их большую квартиру в центре Ленинграда, свою детскую комнату, полную игрушек, мягкую кровать с пуховым одеялом и конечно маму. Вспомнил мамины ласковые руки, нежные объятия и поцелуи. Горький комок сдавил горло мальчика. Он резко перевернулся на живот и уткнул лицо в подушку, чтобы никто из соседей не слышал рыданий, неожиданно вырвавшихся из его груди. В течение следующих нескольких минут его тело сотрясалось под одеялом. Но лишь раз легкий всхлип вырвался из-под подушки. Никто

из ребят Лериного отряда его не услышал. Тем временем, плач отнял у мальчика последние силы. и вскоре рыдания стали стихать, веки смежаться, а сознание погружаться в глубокий, исцеляющий сон.

* * *

Так закончился первый день пребывания Леры Лопухина в интернате для детей врагов народа. За ним последовали второй, третий и... пятьдесят седьмой. Почти два месяца прожил Лера в интернате, когда однажды его вдруг вызвали к директору. Саныч самолично довел его до дверей директорского кабинета, взял за руку и провел внутрь. Первого, кого увидел Лера, войдя в кабинет, был его хозяин. Директор интерната сидел за столом и что-то писал в тетради, низко склонив голову. Слева от директорского стола на высоком стуле Лера, к своей радости, увидел Клавдию Михайловну, а еще дальше (мальчик в первые мгновения не мог поверить своим глазам) в глубоком кресле сидела тетя Зоя. Лицо тети Зои светилось счастливой улыбкой, а по щекам текли слезы.

Последний раз Лера видел тетю в сентябре прошлого года. Вскоре после ареста папы она приехала к Лопухиным и прожила у них около недели. Лера хорошо помнил свою тетю и сейчас, увидев ее, тут же узнал. А узнав, бросился к ней со всех ног, совершенно забыв о присутствии в комнате посторонних людей. Тетя Зоя поднялась из кресла и успела сделать навстречу Лере пару шагов, когда тот с разбега врезался ей в живот, уткнулся в него лицом и, обхватив тетку обеими руками, крепко прижался к ней всем телом.

С минуту они стояли, обнявшись, посреди комнаты в полной тишине.

– Кх, кх, – услышал Лера за своей спиной осторожное покашливание Саныча, вслед за которым раздался его зычный голос, – так... вот... воспитанник Лопухин по вашему приказанию доставлен.

– Спасибо, Владимир Александрович, – кивнул головой директор, – вы можете быть свободным.

– Зоя Владиславовна, – обратился он к Лериной тете, – последняя формальность. Распишитесь пожалуйста здесь.

Он обмакнул ручку в чернильницу и протянул тете Зое. Та поспешно черкнула свою роспись и, возвращая ручку, тихо спросила, запинаясь:

– Мы... можем быть... свободны?

По лицу директора пробежала виноватая улыбка.

– Да, да, конечно. Только заберите у Пелагеи Петровны личные вещи Валерия.

Спустя четверть часа Лера шел через интернатский двор, держась за руку тети Зои. Вернее, он не держался за теткину руку, а тянул ее за собой в сторону главных ворот. Лера все еще не мог поверить, что страница его жизни, связанная с интернатом для детей врагов народа, окончательно перевернута. Ему казалось, что вот сейчас раздастся громopodobный голос Саныча: Лопухин, а ну живо в строй! И ему снова придется маршировать в строю по темным коридорам из спальни в класс, из класса в столовую, из столовой в спальню и так всю жизнь. Лишь когда они с тетей, миновав проходную и пройдя два квартала по улице, завернули за угол, Лера вздохнул с облегчением: свобода!

На трамвае они доехали до железнодорожного вокзала, и тетя Зоя купила билеты на ближайший поезд до Москвы. До отправления поезда оставалось более трех часов, и Лера с тетей отправились в привокзальный ресторан. Когда тетя Зоя заказывала официанту по порции борща и гуляша, Лера не удержался и попросил тетю заказать ему двойной гуляш. За два месяца, проведенных в интернате, Лере лишь дважды довелось поесть мясное блюдо. То были жесткие, пережаренные котлеты, величиной чуть больше пуговицы на его шубе. И сейчас, сидя

за ресторанным столом, Лере казалось, что он мог бы съесть за раз телячью ногу. Однако после огромной тарелки борща, гуляш Лера осилил с трудом, а от пирожного с чаем отказался вовсе.

В купе вагона, разместившись на верхней полке, Лера, едва коснувшись головой подушки, тут же уснул, а проснулся лишь утром следующего дня, когда поезд подъезжал к Москве.

До переезда в Москву Лера мало что знал о своей тете. Теперь же, поселившись в ее однокомнатной квартире в самом центре столицы, в Столешниковом переулке, мальчик с удовольствием слушал по вечерам теткины рассказы о ее богатой событиями жизни. Ровесница двадцатого века, она, как и Лерина мать, родилась в Петербурге, в зажиточной семье крупного промышленника. Училась в гимназии, а затем в Смольном институте благородных девиц. Знала несколько иностранных языков и мечтала о замужестве с любимым человеком. В общем, детство и отрочество Зои Воронковой протекало гладко и безмятежно. Но тут грянула война. В шестнадцать лет Зоя оставила Смольный институт и записалась на краткосрочные курсы сестер милосердия. Через месяц она оказалась в прифронтовом госпитале. Уже по прошествии нескольких дней ухода за тяжелоранеными бойцами романтический патриотизм, побудивший девушку оставить уютный Петербург, был забыт. И если бы не врожденное чувство ответственности за принятое обязательство, Зоя, подобно многим своим сверстницам, не задержалась бы долго в госпитале. Но девушка проявила характер и постепенно тяжелая (как физически, так и морально) работа сестры милосердия стала для нее привычной.

Там, в госпитале Зоя встретила свою любовь. Объектом ее пылких чувств стал двадцатичетырехлетний унтер-офицер с тяжелым ранением левого плеча. До войны Владимир, так звали унтер-офицера, учился в московском университете. С началом военных действий он оставил учебу и добровольцем ушел на фронт. Однако воинственный пыл у молодого человека вскоре угас и сменился стойким убеждением в необходимости скорейшего прекращения кровавой бойни. На этой почве он сошелся с большевиками и стал активным пропагандистом их идей. За те три недели, что Владимир находился в госпитале, он сумел привить эти идеи Зое, и она стала членом большевистской партии. После окончания лечения Владимир был комиссован и уехал в Москву. Вслед за ним туда же отправилась Зоя.

В Москве молодые люди сняли небольшую меблированную комнату и активно включились в революционную работу. После Октябрьской Революции Зоя занимала ответственные должности в Моссовете, а позднее стала работать в наркомпросе, у Луначарского. С началом Гражданской войны Зоя и Владимир неотлучно находились в гуще военных событий. Она – в качестве комиссара, а он – командира различных воинских частей.

После войны Зоя окончила институт Красной профессуры, и вскоре ее назначили деканом одного из факультетов сельскохозяйственной академии им. Тимирязева. Владимир же был направлен на работу в ОГПУ. Брак свой они оформили официально, однако детей у них не было. Возможно, это явилось одной из причин разлада в их отношениях. После почти десяти лет совместной жизни Зоя с Владимиром расстались. Вскоре бывший муж встретил другую женщину, они поженились, и через год у них родилась дочь. Тем не менее, Владимир с Зоей продолжали поддерживать между собой связь. Они часто звонили друг другу, а иногда даже встречались. (Именно бывший муж, который к тому времени работал в центральном аппарате НКВД, помог Зое выволить племянника из интерната для детей врагов народа).

Расставшись с мужем, Зоя целиком посвятила себя работе. Защитила сначала кандидатскую, а затем докторскую диссертации. Написала две книги и постоянно печаталась в научных журналах.

Лере у тете Зои жилось хорошо. Все неистраченные материнские чувства тетка излила на племянника. Одевала с «иголочки», закармливала деликатесами и при этом умудрялась понапрасну не баловать его и воспитывала в строгости. Она взяла за правило каждый вечер

проверять Лерины школьные домашние задания и попутно рассказывать о многих интересных фактах, касающихся изучаемых тем.

Накануне первого учебного дня в новой, московской школе тетя Зоя посадила Леру перед собой и, строго глядя ему в глаза, начала твердым голосом:

– Запомни, теперь ты не Валерий Николаевич Лопухин, а Валерий Владиславович Воронков. Я, Зоя Владиславовна Воронкова – твоя мать. Отца у тебя нет.

Тетя Зоя замолчала, продолжая пристально вглядываться в Лерино лицо. Мальчик вытаращил на тетку удивленные глаза.

– Почему? – тихо спросил он.

– Таково было условие. Иначе тебя не отпустили бы из интерната. И вот еще что, – продолжила тетя Зоя после небольшой паузы, и Лера почувствовал, как дрогнул от волнения ее голос, – постарайся называть меня мамой. Хотя бы при посторонних.

С того дня так и повелось: при посторонних Лера называл тетю мамой, а когда они оставались одни, звал по-прежнему тетей Зоей. Три последующих года пролетели незаметно без каких либо значительных событий в Лериной жизни. Потом грянула война. Из длинного ряда событий, связанных с войной, три из них наиболее ярко запечатлелись в памяти мальчика. Первое случилось в октябре сорок первого. Тогда прямо на улице, на глазах у Леры патрулем НКВД был расстрелян паникер. Двое молодых, здоровых милиционера долго и безуспешно пытались поставить паникера, щуплого на вид мужичонку лет пятидесяти, к стене дома. Мужичонка визжал истошным голосом, извивался всем телом, пинался и кусал милиционеров за руки. Несколько минут начальник патруля, пожилой, грузный мужчина, молча наблюдал за потасовкой. Вдруг он резким движением выхватил из кобуры пистолет и, шагнув к арестованному, в упор произвел в него несколько выстрелов. Паникер упал на асфальт, однако еще с минуту продолжал скулить и сучить ногами. Через полчаса приехала кузовная полуторка. Убитого, словно мешок с песком, закинули в кузов, и полуторка уехала.

Второе событие произошло весной сорок второго года. Вечером Лера сидел за столом с открытым учебником геометрии, пытаясь разобраться с домашним заданием. Тетя возилась на кухне, готовя ужин. В этот момент раздался звонок, а затем сильный стук во входную дверь. Тетя бросилась открывать. На пороге стояла соседка, Галина Тимофеевна. В опущенной руке у нее был зажат исписанный лист бумаги. Леру поразила взгляд Галины Тимофеевны. Стекло, смотрящий прямо перед собой и, в то же время, в никуда.

– Что случилось, Галя? – тетя осторожно коснулась плеча Галины Тимофеевны. От этого прикосновения соседка вздрогнула. Ее взгляд, несколько раз метнувшись из стороны в сторону, нашел тетино лицо.

– Миша убит, – чуть слышно прохрипела Галина Тимофеевна и вдруг повалилась на пол и судорожно заскребла по паркету ногтями, словно вознамерилась содрать с него остатки давнишней полировки. Из груди у нее вырвался страшный звериный вой, от которого Лере захотелось бежать без оглядки.

Пока тетя Зоя хлопотала над соседкой, получившей извещение о смерти сына, Лера забился в угол дивана, сжался в комок и дрожал всем телом так, будто его окунули с головой в прорубь и оставили затем лежать на льду в лютый мороз.

Третье событие случилось летом сорок четвертого. Тогда по радио жителей Москвы ранее оповестили, что в воскресенье по улицам столицы проведут колонну пленных немецких солдат. Лера с утра побежал к своему другу Витьке Голованову. Витька жил на Садовом кольце, и окна его квартиры выходили на проезжую часть, туда, где должны были проходить пленные немцы. Глядя с Витькиного балкона на колонны бывших вояк, Лера испытывал двоякое чувство. Конечно, он был горд за свою страну, за свой народ, громящих фашистских захватчиков. Но, с другой стороны, к нему в душу закрадывалась обида, что в этой битве отказано участво-

вать его отцу, который достойно (в этом Лера нисколько не сомневался) мог бы постоять за честь Родины.

В 1946 году Валерий закончил школу и поступил в МВТУ им. Баумана. Вступительные экзамены он сдал на отлично и, тем не менее, до последнего момента не был уверен, что будет зачислен в училище, поскольку в тот год при поступлении в ВУЗы преимуществом пользовались бывшие фронтовики. Летом того же года, уже будучи студентом «бауманки», Валерий пережил первую в своей жизни интимную связь. Случилось это так. Тетя Зоя уехала на неделю в Ленинград, навестить дальних родственников, оставив племянника одного в квартире. Как-то вечером раздался звонок в дверь.

– Привет! Зоя Воронкова здесь проживает? А ты кем ей приходишься? Сын? Очень хорошо!

Ярко накрашенная женщина лет сорока пяти с вещевым мешком на плече, бесцеремонно отодвинув Валерия в сторону, шагнула через порог.

– А где она сама?

Незнакомка вперила в Валерия испытующий взгляд, будто подозревала его в убийстве собственной матери.

– Она в Ленинграде. Вернется через четыре дня, – робко пробормотал Лера.

– Меня зовут Калерия, – смягчила взгляд женщина, – Калерия Ивановна. Я Зоина фронтовая подруга. Вместе на Гражданской в окопах вшей кормили.

Она огляделась по сторонам.

– Стало быть, ты один здесь хозяйничаешь?

– Один, – кивнул головой Валерий.

– Ну, тогда я поживу у тебя пару дней. Не возражаешь? – и, не дождавшись ответа, тут же спросила, – где у вас можно помыться? Я прямо с вокзала. Двое суток в вагоне тряслась.

Лера провел гостью в ванную комнату и выдал ей чистое полотенце.

– Тебя как зовут?

Женщина поставила ногу на край ванной, задрала юбку и принялась стягивать чулок.

– Валерий, – чуть слышно пробормотал Лера, смущенно отворачивая лицо в сторону.

– Вот что, Валерий, – женщина опустила ногу и расстегнула верхнюю пуговицу на блузке, – держи деньги, – она засунула руку меж арбузоподобных грудей и вынула потертый кошелек, – сбегай в магазин и купи поллитровку беленькой. Отметим знакомство.

Когда Лера вернулся из магазина, Калерия Ивановна уже хозяйничала на кухне. На столе стояла открытая банка тушенки, а на тарелке разложены ломти соленого огурца. На плите варилась картошка. Сели за стол.

– Ну, разливай, – Калерия Ивановна подвинула Лере два граненных стакана, – поухаживай за дамой.

Валерий наполнил стаканы на четверть. Выпили. Закусили огурцом.

– Между первой и второй промежутком небольшой, – пропела гостья, подвигая свой стакан к Лере. Снова выпили и снова закусили.

– Расскажи, чем занимаешься, – начала разговор Калерия Ивановна, – работаешь или учишься?

– Я недавно экзамены вступительные сдал, – похвастался Лера.

Он с жаром, который добавила выпитая водка, принялся рассказывать гостье о трудностях вступительных экзаменов в МВТУ. Калерия Ивановна слушала, не отрывая от парня глаз. Взгляд ее, словно руки слепого, ощупывал каждый сантиметр Лериного лица. Особым вниманием гостьи пользовались его губы. Поначалу Леру смущал этот взгляд, но, приняв очередную дозу хмельного напитка (Калерия Ивановна теперь сама разливала водку по стаканам), он перестал обращать на него внимание.

– А который час? – женщина с притворным испугом округлила глаза.

Лера посмотрел на ручные часы, теткин подарок.

– Без четверти десять, – махнул он рукой, – время еще детское.

– А я, как ребенок, – рассмеялась Калерия Ивановна, – в десять часов уже в постели.

Она встала из-за стола и прошла в комнату. Лера последовал за ней.

– Куда ты меня определишь?

Калерия Ивановна остановилась посреди комнаты, переводя взгляд с кровати на диван и обратно.

– Ложитесь на маминой кровати, – живо откликнулся Лера и, схватив ширму, быстро отгородил ее теткину кровать.

Калерия Ивановна, плавно покачивая бедрами, медленно проследовала за ширму. Вскоре оттуда послышался скрип пружин, и вслед за ним раздался восторженный голос:

– Ух ты! Царское ложе! Давно на такой кровати не спала!

Лера решил пойти на кухню, убрать со стола и помыть посуду, но голос из-за ширмы остановил его.

– А ты что же, будешь спать на том горбатом диване?

– Я всегда на нем сплю, – бодро откликнулся Лера.

– Так нечестно! – взвизгнула Калерия Ивановна, – ты хозяин дома и тебе полагается лучшее место.

– Что вы! – запротестовал Лера, – мне и на диване удобно.

На несколько секунд за ширмой воцарилось молчание. – Подойди ко мне, – неожиданно попросила Калерия Ивановна.

Лера сделал несколько робких шагов, завернул за угол ширмы и остановился. Калерия Ивановна лежала посреди кровати на высоких подушках и одеяло лишь слегка прикрывало ее пышную грудь.

– Подойди ближе, – хищно улыбнулась женщина.

Лера медленно приблизился к кровати. Калерия Ивановна взяла его за руку. При этом одеяло сползло еще ниже, оголив сосок правой груди.

– Я нашла компромиссное решение, – прошептала гостя, – мы будем спать здесь вдвоем. Кровать широкая. Места хватит.

Она потянула Леру за руку.

– Ну? Чего ты стоишь? Раздевайся.

У Леры перехватило дыхание.

– Я... я... я не знаю, – пробормотал он, заикаясь.

– Ты что, меня стесняешься? – усмехнулась Калерия Ивановна, – глупенький! Я же тебе в матери гожусь. Давай, помогу раздеться.

Она села на кровати и быстрыми движениями принялась расстегивать пуговицы на Лериной рубашке.

– Вот так... вот так... – повторяла она, оголяя тело юноши.

– Полезай под одеяло, – скомандовала она, когда на Лере остались одни трусы. Молодому человеку стоило величайших усилий, чтобы заставить свои одеревеневшие конечности подчиняться его воле. Тело дрожало, словно в лихорадке, а зубы отбивали дробь не хуже ударных инструментов.

– Что же ты дрожишь так? – проворковала Калерия Ивановна, обнимая Леру за талию и притягивая к себе, – замерз? Сейчас я тебя согрею. Поцелуями согрею...

Дрожь постепенно унялась, а вслед за этим Лера ощутил жар в паху. Резким движением Валерий опрокинул женщину на спину и навалился на нее всем телом.

– погоди, миленький. Не торопись, – простонала та, – поласкай меня сперва.

Лера обеими руками ухватил женскую грудь и принялся мять ее, словно месил тесто.

– Не так, – прошептала Калерия Ивановна, беря Лерину руку в свою, – аккуратнее. Твои ласки должны быть одновременно нежными и властными...

– Лера, кто к нам приходил?

Тетя Зоя резко повернулась к племяннику и вперила в него пристальный взгляд. Час назад Валерий встретил тетю на Ленинградском вокзале и сейчас они входили в свою квартиру. Первой прошла в открытую дверь тетка, за ней племянник с чемоданом в руках.

– Я же чувствую посторонний запах! – продолжала допрос тетя Зоя, не отрывая глаз от Лериного лица, – кто у нас был?

– Витька пару раз приходил, – пожал плечами Лера, пытаясь быстрее пройти в комнату.

– Причем здесь Витька?! – воскликнула тетя Зоя, загораживая своим телом дорогу, – пахнет дешевыми женскими духами!

– Ааа! – Лера театрально схватился за голову, – забыл тебе сказать! У нас останавливалась проездом через Москву твоя фронтовая подруга, Калерия Ивановна.

В следующий момент Лера пожалел, что сообщил тете Зое о незваной гостье. Теткины глаза расширились настолько, что, казалось, вот-вот вылезут из орбит. В течение нескольких секунд она безуспешно пыталась что-то сказать, но лишь беззвучно открывала рот. Наконец, сделав глубокий вдох, тетка неожиданно взвизгнула фальцетом:

– Подруга?! Фронтовая?! Да, она... она... шлюха она фронтовая, а не подруга! Командирская подстилка!

Тетя решительно шагнула к Валерию и схватила его за лацканы пиджака.

– Чтобы ноги ее не было больше в нашем доме! Слышишь?! Ноги не было!

Учеба в МВТУ давалась Валерию легко. После трех лет обучения на страницах его зачетной книжки неизменно повторялось лишь одно слово:

«отлично». Несмотря на это, свободного времени у Леры было достаточно, чтобы записаться в секцию бокса на спортивной кафедре училища и раз в неделю ходить на литературные вечера в институт им. М. Горького. Случилось так, что, начиная еще с выпускного класса школы, Валерий стал писать стихи. Поначалу литературные упражнения были тайной для окружающих, но со временем у Леры возникло и стало быстро расти желание услышать оценку своему творчеству. Он дал почитать стихи Витьке Голованову, а затем тете. Витька рассыпался дифирамбами, ставя Лерины вирши в один ряд с произведениями русских классиков. Реакция тети была более сдержанной. Она-то и посоветовала Валерию посещать литературные вечера.

На одном из таких вечеров (случилось это в июле 1949 года) Валерий познакомился с девушкой, своей сверстницей Диней Ногинской. Дина была девушкой невысокого роста, слегка полноватой, что, в сочетании с курносом носом и веснушками на лице, придавало ее внешности детскую смешливость. Дина первой подошла к Валерию (она попросила карандаш, чтобы записать понравившиеся строки из стихотворения очередного автора), а после собрания охотно согласилась с Лериным предложением проводить ее до дома. Молодые люди стали встречаться. Ходили в кино, на танцплощадки, пару раз бывали в театре, но чаще просто бродили по Москве.

Однажды Дина пригласила Валерия на день рождения своего бывшего одноклассника. В однокомнатную квартиру набилось человек тридцать. Еды было мало, зато водки и вина в избытке (именинник попросил гостей в качестве подарка приносить спиртные напитки). Лера изрядно наклюкался и Дине пришлось буквально тащить его на себе от трамвайной остановки до теткиного дома. А спустя несколько дней после той вечеринки, точнее тринадцатого (!!!) сентября 1949 года, случилось событие, круто изменившее жизнь Валерия Воронкова.

Рано утром, когда за окном чуть забрезжил рассвет, раздался звонок в дверь. Валерий стянул с себя одеяло и уже собирался спустить ноги с дивана, как мимо него, шлепая по полу

босыми ногами и на ходу застегивая халат, пронеслась тетя Зоя. Лера тут же вернул одеяло на прежнее место и, в предвкушении продолжения сна, сладко зевнул. Однако спать ему в то утро уже не пришлось.

– Ты?! – донесся до Лериного слуха удивленный теткин возглас. Лера открыл глаза и прислушался. Из коридора послышался приглушенный мужской голос. Слов Валерий разобрать не мог, хотя усиленно напрягал слух. Зато теткины взволнованные восклицания, прерывавшие время от времени речь раннего гостя, были слышны очень хорошо.

– Не может этого быть!.. Вот, несчастье!.. Что же теперь делать?!..

Сон отшибло напрочь. Лера поднялся с кровати и быстро натянул на тело рубашку и брюки.

– Валерий!

В комнату, включив свет, вошла тетя в сопровождении плотного, коренастого мужчины с коротким ежиком седых волос на голове. Лера сразу узнал его по фотографиям, хранящимся в теткиных альбомах.

– Валерий, познакомься, – тетя указала рукой на мужчину, – это Владимир Афанасьевич. Мой бывший муж.

Лера шагнул к гостю и протянул руку. Пожатие Владимира Афанасьевича оказалось столь крепким, что Лера сразу почувствовал робость и неуверенность перед этим человеком. Стальной взгляд серых, близко посаженных глаз, прошел молодого человека словно рентгеновский луч. Когда сели за стол, Лера невольно выбрал место подальше от гостя. Откинувшись на спинку стула, бывший муж тети Зои принялся усиленно растирать свой подбородок. На некоторое время в комнате повисла напряженная тишина. Первым молчание нарушил гость. Он осторожно прокашлялся и заговорил низким, глухим голосом:

– Вероятно, тетя говорила тебе...

– Валерий называет меня мамой, – перебила Владимира Афанасьевича тетка, смущенно опустив голову. Гость вновь прокашлялся.

– Вероятно, мама говорила тебе, что я работаю в органах госбезопасности?

Лера в ответ утвердительно кивнул головой.

– Ты, конечно, понимаешь, что я не имею права сообщать посторонним лицам информацию, касающуюся моей профессиональной деятельности. Но в данном случае эта информация касается моей бывшей жены и ее сына. Поэтому я решил пойти на должностное преступление. Если об этом узнает мое начальство, мне грозит расстрел.

Владимир Афанасьевич выразительно взглянул на Леру, затем перевел взгляд на тетю Зою и вновь обратился к Валерии.

– Так вот. Вчера мне в рабочий кабинет принесли документ, в котором фигурирует твое имя. Органам стало известно, что восьмого сентября ты, вместе со своей подругой Диной...

Владимир Афанасьевич наморщил лоб, вспоминая фамилию девушки.

– Ногинской, – подсказал Валерий.

– Ногинской, – кивнул гость, – был на дне рождения Шехтмана Романа Моисеевича. На этом вечере рядом молодых людей, включая самого Шехтмана, были допущены оскорбительные высказывания в адрес руководителей нашего государства. В частности, в адрес товарища Ворошилова прозвучало обвинение в том, что он плохо руководил войсками в начальный период войны. Товарища Молотова упрекали в братании с фашистами в предвоенный период, вместо того, чтобы заключить союз с западными демократиями. И, наконец, дошло до того, что самого товарища Сталина обвинили в массовых расстрелах командиров Красной Армии в конце тридцатых годов. Это, по мнению выступавших, привело к тяжелым поражениям в первые месяцы войны.

Владимир Афанасьевич замолчал, пристально взглядываясь в лицо Валерия.

– То же по пьянке болтали! – попытался улыбнуться молодой человек, – мало ли что спьяну можно ляпнуть!

– Не скажи, не скажи, – указательный палец Владимира Афанасьевича поднялся вверх и несколько раз качнулся из стороны в сторону, – что у трезвого на уме, то у пьяного на языке. Впрочем... – гость махнул рукой, – не об этих болтунах сейчас речь. С Шехтманом и его друзьями будут беседовать в другом месте. Разговор сейчас о тебе.

С противоположного конца стола, где сидела тетя Зоя, послышался тихий всхлип. Владимир Афанасьевич бросил короткий взгляд в ту сторону и тяжело вздохнул.

– Но я же ничего такого не говорил, – воспользовался паузой Лера, – я вообще большее время молчал.

– Вот! – вновь указательный палец сотрудника госбезопасности взметнулся вверх, – вот именно! Молчал! Хотя, как комсомолец, как советский человек, ты не должен был молчать! Ты обязан был либо выступить там и заткнуть клеветнические глотки, либо на следующий день сообщить о случившемся в соответствующие инстанции. Но ты не сделал ни того, ни другого, и теперь твое поведение можно квалифицировать как укрывательство или, хуже того, пособничество вражеским агентурным элементам.

– Володя, но неужели ничего нельзя изменить? – раздался теткин дрожащий голос.

Гость опустил голову, стараясь не смотреть в сторону бывшей жены. С полминуты длилась томящая пауза.

– Конечно, я – далеко не последняя фигура в органах, – наконец, заговорил Владимир Афанасьевич, – и при других обстоятельствах можно было сделать так, что имя Валерия вообще исчезло бы из списка участников той вечеринки. Но сейчас это невозможно. Дело взято под особый контроль руководства. А причиной тому – недавнее указание ЦК партии по развертыванию беспощадной борьбы с космополитами.

– С какими космополитами? – тетя удивленно округлила глаза.

– С безродными! – кинул на нее сердитый взгляд Владимир Афанасьевич и в следующий момент с силой ударил ладонью по столу.

– Какого черта ты связался с этими Шехтманами, Гольдбергами, Ногинскими? – резко повысив голос, повернулся он к Валерию, – если тебе русских девчонок мало, захотелось разнообразия, познакомился бы с армянкой, грузинкой, якуткой, наконец!

Нервными движениями обшарив карманы, он вынул мятую пачку папирос и закурил. Племянник с теткой молча наблюдали за его действиями.

– Есть в этом доме пепельница? – буркнул сердито Владимир Афанасьевич, крутя головой из стороны в сторону. Тетя вскочила с места и бросилась к шкафу. По-собачьи заглядывая гостю в глаза, она поставила перед ним блюдо из чайного сервиза. Бывший муж сделал несколько глубоких затяжек и затушил папиросу.

– Короче, полностью вывести тебя из-под следствия не удастся, – вновь повернулся он к Валерию, – дело твое будет находиться в разработке. Но я постараюсь спустить его на тормозах. А для этого тебе необходимо срочно исчезнуть на время из Москвы.

– На какое время? – тетя беспокойно заерзала на стуле.

– На полгода... на год. Сейчас трудно сказать, – пожал плечами Владимир Афанасьевич.

– А как же учеба?! – всплеснула руками тетка, – Валерию же еще два года учиться!

Лицо гостя скривилось в злой усмешке.

– Если он сегодня же не смотается отсюда, то учебу будет заканчивать в сибирских лагерях.

Тетя охнула, прикрыв рот руками.

– Есть у вас какие-нибудь родственники или знакомые за пределами Москвы, у которых Валерий мог бы квартироваться?

Тетя в ответ кивнула головой.

– Моя двоюродная сестра. Она в Ленинграде живет.

– Ленинград отпадает, – замотал головой гость, – вообще, желательно избегать крупных городов. Хорошо бы найти место в сельской местности.

– Есть! Есть такое место! – обрадовалась тетка, – к нам в академию недавно приезжал председатель подшефного колхоза из Тульской области. Они собираются внедрять механизированное доение коров. Он просил прислать специалистов в помощь.

– Прекрасный вариант! – согласился Владимир Афанасьевич, – и сельская местность, и от Москвы недалеко. Навещать сможешь племянника своего. Но не часто! – строго добавил он.

Утром следующего дня Валерий вышел из рейсового автобуса, прибывшего из Тулы в районный центр Красное поле. Здесь он узнал, что единственный автобус до Еремеевки, центральной усадьбы колхоза Светлый Путь, куда направлялся молодой человек, ушел полчаса назад. Следующего автобуса надо ждать сутки. Однако здесь же, на районной автостанции ему подсказали место (у элеватора, на выезде из райцентра), где, при определенном везении, можно поймать попутную машину. Несколько часов Лера провел у элеватора, махая рукой проезжающим мимо автомобилям. Уже после полудня ему удалось сговориться с водителем полуторки и тот за 20 рублей выделил Валерию место в кузове среди ящиков со стройматериалом.

К Еремеевке подъезжали, когда солнце уже клонилось к горизонту. Водитель высадил Валерию возле правления колхоза, большого бревенчатого дома с красным флагом над крыльцом.

– Зоя Владиславовна!? – обрадовался председатель колхоза, когда Лера передал ему теткин письмо, – как же, помню, помню! Образованная женщина и со смекалкой! Мы с ней полдня беседовали. А ты, стало быть, ее сынок? Будем знакомы, зовут меня Степан Корнеевич.

Он пожал Лере руку и указал на стул.

– Ты присядь, пока я письмо-то читаю.

Лера занял указанное ему место и стал украдкой наблюдать за председателем. На вид Степану Корнеевичу было лет шестьдесят. Высокий, поджарый, с редкими волосами на затылке, он двигался не спеша, размеренно, словно предварительно рассчитывал каждый свой шаг. Сев за стол, он медленно выдвинул ящик стола, достал оттуда очки и аккуратно разместил их на носу. Затем, так же не спеша, он вынул письмо из конверта, тщательно разгладил листы и, низко склонив голову, углубился в текст, беззвучно шевеля при этом губами. Явно было видно, что чтение для Степана Корнеевича являлось занятием не из легких. Он натужено кряхтел, с шумом выпускал из ноздрей воздух и даже пару раз рукавом пиджака вытер взмокший затылок.

Чтобы убить время, Лера развернул стул и принялся изучать приказы, вывешенные на стене за его спиной. Однако вскоре он оставил это занятие. Его внимание привлекли женские голоса, доносящиеся со двора сквозь открытую форточку. Постепенно шум усилился. Женщины явно о чем-то спорили. Видимо, их крики достигли ушей председателя колхоза. Он поднял голову и бросил сердитый взгляд в сторону окна. Словно почувствовав этот взгляд, женщины заголосили еще громче. Степан Корнеевич тяжело вздохнул, отложил недочитанное письмо в сторону и, встав из-за стола, медленно приблизился к окну.

– Ну, так и знал! – сокрушенно покачал он головой, – уже здесь! Ах, бесстыжие! И как быстро прознали о твоём приезде!

Председатель повернулся к Валерию и развел руки в стороны.

– А при чем здесь я? – удивился Лера.

Степан Корнеевич ответил не сразу. Он вернулся к столу, взял стул, придвинул его ближе к Лере и, медленно опустившись на сиденье, еще некоторое время задумчиво чесал подбородок.

– Вишь в чем дело, – начал он, наконец, – не повезло в войну нашей деревне. Из трехсот сорока мужиков, ушедших на фронт с началом войны, домой вернулись чуть больше полусотни. Так-то ж полбеда! – с отчаянием махнул рукой председатель, – в октябре сорок первого у нас оставались не мобилизованными около двух сотен мужчин призывного возраста. Не торопились их забирать. Фронт от нас тогда далеко был. Ну, руководство, видимо, рассчитывало успеть хлеб с полей убрать. Урожай в тот год отменный выдался. А вышло-то не так. Танки Гудериана фронт прорвали и через пару дней уже под Тулой хозяйничали. А мы, стало быть, на временно оккупированной территории оказались. В то время правительственный указ действовал, который мужчин призывного возраста, оказавшихся на оккупированной территории, приравнивал к военнослужащим, сдавшимся врагу в плен. Слава Богу, скоро этот указ отменили. Но это уже после того, как наш район Красная Армия освободила. А в то время он еще в силе был. Ну, и как советская власть в декабре вернулась, всех наших мужиков в вагоны посадили и в Сибирь-матушку увезли. Правда, месяца через три их все же на фронт отправили, но в штрафные батальоны. Ну, а к штрафникам, небось, слышал, какое отношение на фронте было. Коней больше берегли, чем штрафников. Вот и вышло, что из двухсот восьми ребят домой воротились двенадцать. Да и те все покромсанные, да изувеченные. Вот и кукуют наши бабоньки в одиночестве. Всякому приезжому, на ком штаны, а не юбка, рады-радешеньки. Каждая старается его к себе в дом, на постой заполучить. Нам с тобой повезло. Сегодня не все бабы в деревне. Большинство в поле, в бригадах. А то бы...

Степан Корнеевич зажмурился и замахал руками.

– Я тебе вот что посоветую...

Председатель хитро подмигнул Лере и наклонил к нему голову. Однако закончить свою речь он не успел. С крыльца послышался топот ног, дверь резко распахнулась, и в комнату с криком и визгом ввалилась толпа женщин общей численностью около полутора десятка. Оказавшись в помещении, женщины тут же притихли и, быстро рассредоточившись вдоль стены, принялись спешно поправлять на себе одежду. Лера отметил про себя, что одеваются еремеевские женщины значительно скромнее городских. На большинстве были стеганные ватники и кирзовые сапоги, хотя трое красовались в драповых пальто, а на одной Лера даже разглядел лакированные туфли. Все без исключения женщины покрыли головы яркими, цветастыми платками, видимо, считавшимися в Еремеевке главным украшением женского туалета.

Женщины с интересом принялись разглядывать гостя, отчего привели его в крайнюю степень смущения. Лера явственно ощутил, как начинают пылать его щеки. Он поспешно соскочил со стула, неуклюже поклонился, снова сел и завертел головой из стороны в сторону, делая вид, что разглядывает развешанные по стенам портреты руководителей государства. Степан Корнеевич, видя его состояние, решил прийти на помощь.

– Вы чаво себе позволяете?! – гаркнул он громовым голосом, никак не вязавшимся с его флегматичной внешностью, – вы почто вваливаетесь сюда, как в свинарник?! Али я для вас уже не председатель?! Али вы меня уже ни во что не ставите?!

Среди женщин произошел небольшой переполох. Они быстро сбились в кучу, о чем-то пошептались и, наконец, вытолкнули к центру комнаты дородную тетку лет сорока-сорока пяти.

– Ну, чаво тебе, Пелагея? – грубо рявкнул на нее председатель.

Тетка, до этого смущенно прятая глаза, вдруг вскинула голову и уперла кулаки в бока.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.